

У меня такое чувство, Тото, что мы
уже не в Канзасе.

*Виктор Флеминг.
Волшебник страны Оз*

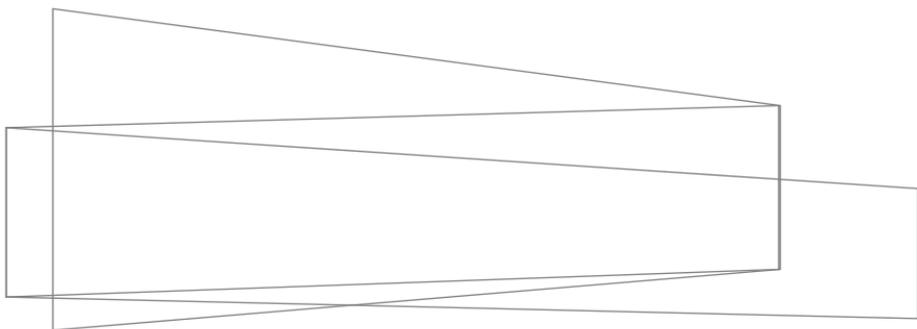
Когда ягнята теряться в горах, сказал он,
они плакать. Иногда приходит мама.

Иногда волк.

*Кормак Маккарти.
Кровавый меридиан*

И увидел я тьму.
Знаешь, как сильно я тебя люблю?
И надеюсь почему-то,
Что ты оградишь меня от тьмы.

Бонни «Принц» Билли

Стоя на коленях над жертвой, Томми вдыхал полной грудью железистые запахи своего нового царства.

Под парами алкоголя у него все еще кружилась голова. Он зажмурился, наслаждаясь удивительной тишиной, царившей в стенах старой скотобойни и на некоторое время ограждавшей его от жуткого мира, позволив сосредоточиться лишь на страхе, замкнутом в его собственном теле и готовом однажды вырваться наружу, чтобы в конце концов оставить его в покое.

Псина лежала на боку и выла, ее пронзительные завывания походили на скрипы велосипедного колеса. Томми провел рукой по приоткрытой пасти — ладонь обдало теплым дыханием. Псина лизнула его пальцы, словно умоляя оставить ее в живых.

Томми приволок ее сюда, оставив за собой длинный липкий след в высокой траве. У хозяев псины, Ламли, километрах в двадцати от его дома была ферма, и, когда он был ребенком, их здоровенная бельгийская овчарка частенько пугала его: она грозно скалилась, стоило ему проехать мимо на мопеде или велосипеде, и только цепь не позволяла ей вцепиться ему в горло.

Но этим утром он сумел отплатить за все, когда заметил ее на обочине дороги. *Как во сне.* Мигом

прибавив газу, он сшиб ее на скорости чуть больше восьмидесяти километров в час.

Это было десятое животное, которое он притащил сюда с начала лета. Начал он с кошек и кроликов, потом поймал собаку, бродившую возле старой водокачки, — подманил ее шматком мяса. Животные требовались ему живыми: он был уже не в том возрасте, чтобы забавляться с трупами. Ему хотелось отбирать у них тепло, наблюдая, как кровь вытекает из ран, прежде чем сердце перестанет биться раз и навсегда.

Мертвые, они принадлежали ему всецело. Мертвые, они принадлежали ему все до одного.

Электропроводку оборвали несколько лет назад. В разбитые фрамуги порой залетали голуби — они гнездились в нишах верхней части стен, и, слыша, как во тьме хлопают их крылья, Томми представлял, что это огромные насекомые, которые вот-вот набросятся на него.

Когда-то живодеры разделявали здесь лошадей и свиней с соседних ферм, пока в окрестностях Топики не построили новую скотобойню. Томми хотел использовать это строение, пока его не разрушили для того, чтобы возвести тут в начале следующего года социальное жилье для неимущих семей, в основном чернокожих, заполонивших город. Но, если понадобится, он будет рядом и станет защищать родную землю от всякого сброда.

Когда он был младше, ему рассказали историю про одного живодера, похищавшего местных детишек и обрекавшего их на ту же участь, что и животных на скотобойне. История эта волновала его воображение с давних пор куда больше, чем несусветный вздор про вампиров и оборотней, который обычно несут у костра. К тому же от прочих рассказней она выгодно отличалась тем, что все это произошло по соседству с его домом, в сероватой постройке, которую он видел вдалеке всякий раз, когда возвращался из школы домой. И тогда он представлял, что же еще могло там твориться, пока все спали.

Послышалась череда выстрелов. Ружейная пальба.

Томми бросил взгляд в сторону входной двери: она была приоткрыта достаточно широко, и через нее можно было проشمыгнуть в пшеничное поле, чуть колыхавшееся под дуновениями знойного ветерка. Но он не шелохнулся, а лишь прислушался, сиюсь уловить голоса, которые выдали бы посторонних, случайно оказавшихся в здешних местах.

Убедившись, что опасности нет, он достал из рюкзака нож и провел пальцем по лезвию, совершенно отчетливо ощутив желание лизнуть его и оставить на нем след своей слюны.

Затем, не в силах больше сдерживаться, он прижал нож к горлу псины и резким движением перерезал его — кровь, хлынувшая из раны, мгновенно забрызгала ему бедра.

Он не ожидал, что будет столько крови, — казалось, она вся разом прилила к голове животного. Томми стянул с себя футболку с логотипом бейсбольного клуба «Канзас-Сити роялз» и отшвырнул в сторону — к джинсам и кедам, перепачканным темной землей. Теперь он был совсем голый. Так, казалось ему, удобнее разделявать плоть, к тому же мать ни за что не оставила бы его в покое, если бы заметила на одежде пятна крови.

Томми вонзил нож псине в бок, потом еще и еще раз; он бил все быстрее и при этом кричал от переполнявшей его радости, чувствуя, как от ударов ломаются кости. Затем он целиком распорол собаке нижнюю часть брюха. При соприкосновении с вытекавшей оттуда теплой кровью он, невзирая на стоявшую кругом вонь, ощутил сильнейшее возбуждение и заметил, как у него напрягся член.

Он вспомнил Тессу Уилкинс, о которой непрерывно думал последние недели, и начал мастурбировать, мысленно рисуя картину, как его нож оставляет на коже Тессы белые бороздки.

Его напряженный член пронзила боль, и, закрыв глаза, он задвигал рукой быстрее, а другую погрузил в еще не остывшее чрево овчарки, воображая, будто прикасается к теплому телу Тессы.

Он эякулировал судорожно, но без единого возгласа — сперма расплзлась бледными островками поверх внутренностей и крови псины и вскоре полностью смешалась с ними.

В голове у него лопнуло громадное черное облако и пролилось дождем. Облегчая душу и умиротворяя его.

Протопав босыми ногами по каменному полу, Томми бросил останки собаки в мешок для мусора. Он закопает ее, как и всех остальных, в поросшей кустарником земле в паре десятков метров отсюда.

На стене висел пожарный рукав. Томми обдал струей пол, потом обмылся сам, чтобы избавиться от малейших следов крови, уже засыхавшей у него на бедрах, и стал заворуженно смотреть на жижу, стекавшую через решетку в сточную канаву, представляя, как реки подобного месива разливаются по чреву земли.

Обсохнув, Томми оделся, просунул мешок в дверной проем и протиснулся в него сам, тотчас ощутив всем телом солнечный жар и пока еще не зная, что очень скоро он наконец заключит в объятия свою первую любовь.

ХЕЙЛИ

Хейли Хивз не сразу поняла, что находится в собственной спальне. Снова затрезвонил будильник, и она шарахнула по нему, чтобы он замолк. Девять утра. У нее еще было время немного понежиться в постели. Чемоданы стояли у шкафа — перед уходом ей оставалось только принять душ.

Окно справа было приоткрыто и впускало легкий аромат глициний, а также привычный для начала июля щебет птиц, сидевших на ветках яблони, что росла напротив дома, и крики местной детворы, гонявшей баскетбольный мяч по заасфальтированной улице.

Хейли, зевая, вытянула руки и согнула ногу, чуть прикрытую одеялом. Вспомнив про Нила, она взяла айфон, лежавший на ночном столике, и с горечью констатировала, что он не только не попытался ей позвонить, но даже не оставил сообщения. Видно, после вчерашнего он заснул с легкой душой. А она, напротив, наглоталась таблеток, и остаток ночи ее мучили тревожные сны. Один ей запомнился очень отчетливо: она была наглухо замурована в мягком, совершенно черном кубе, который болтался в метре над землей. Гости собрались вокруг и потешались над ней — она никого не видела, зато слышала их смех вперемешку с прерывистым дыханием Нила и скрипом пружин кровати, на которой он все еще забавлялся, издеваясь над ней.

Хейли поморщилась, потирая виски.

Зачем она так набралась?

Если бы она уступила первому порыву, то заснула бы снова и проспала весь день. Тогда время пролетело бы незаметно. И она ни о чем бы не думала.

Даже о нем.

Но надо было вставать. Иначе никак.

Через три недели Хейли рассчитывала принять участие в Международном юниорском чемпионате для девушек в Далласе — турнире, в котором состязались любительницы гольфа самых разных национальностей. Этим утром она собиралась к своей тетушке Оливии, жившей неподалеку от Сент-Джозефа, в Миссури. Оливия, с которой Хейли не виделась много лет, соседствовала и водила дружбу с Джорджем Кингсбери, одним из величайших американских гольфистов шестидесятых. У него была собственная площадка для гольфа, примыкавшая к его владению, и он предложил позаниматься

с Хейли, что открывало перед ней невероятные возможности.

Победа в турнире означала бы первый большой шаг на пути к профессиональной карьере и контрактам на сотни и сотни тысяч долларов.

Однако еще вчера она сомневалась, стоит ли ехать: ей хотелось побыть с Нилом.

Полная идиотка.

Сумка с клюшками для гольфа стояла у стены, и биты с металлическими наконечниками чуть сверкали в лучах утреннего солнца. Клюшки достались ей от матери, и с ними она рассчитывала победить. Как бы отыграться за жизнь, которую у нее когда-то отняли.

Хейли нечаянно наступила на свечку, валявшуюся на ковре. Ей казалось, что, перед тем как лечь в постель, она все их выкинула заодно с уморительно простецкими украшениями, которые развесила в комнате специально для Нила, думая, что мгновения, проведенные вместе с ним, станут незабываемыми.

От злости она сунула все это в мешок для мусора, который так и стоял у двери. Она презирала себя за то, что поступила как последняя дура.

Сначала ей совсем не хотелось идти на вечеринку к лучшей подруге Линдси — надо было сидеть дома и спокойно укладывать вещи, предвкушая ночь, которую она надеялась провести с Нилом. Он собирался заглянуть к ней, когда она управится со всеми делами. Но Линдси так настойчиво уговаривала ее по телефону, что она согласилась прийти. Однако Нила Хейли не предупредила — хотела сделать ему сюрприз. Она надела его любимый наряд, расшитое золотом платье от «Дольче и Габбана», точно такое же, как у Дженнифер Лоуренс на закрытом просмотре ее последнего фильма.

Когда Хейли пришла, в доме подруги яблоку негде было упасть: во всех комнатах первого этажа дым стоял коромыслом, вечеринка была в разгаре. Хейли мигом отыскала Линдси, они выпили по «Мохито», втянули

в себя по дорожке кокаина, после чего, уже начиная терять терпение, она принялась искать взглядом Нила. Линдси сказала, что он объявился в самом начале вечеринки, но больше она его не видела. Слегка встревожившись, Хейли высматривала его по всему дому, являвшему собой путаный лабиринт коридоров и комнат; попутно она здоровалась со знакомыми, нет-нет да и перехватывая пристальные взгляды парней и ставя на место молодых задавак, клеившихся к ней в открытую.

В конце концов она обнаружила Нила в одной из гостевых комнат на третьем этаже: полуголый, он лежал на Сидни Боуз.

Оторопев, Хейли не представляла, что ей делать, пока они спешно одевались.

А потом она заперлась в туалете третьего этажа и не отвечала на просьбы Нила открыть дверь. Упав на колени, она простояла там на полу битый час, время от времени извергая в умывальник весь поглощенный алкоголь, морщась от горьковатого привкуса мяты во рту и думая только о Сидни: как та, со всклокоченными, будто от удара током, рыжими патлами, развалившись на подушках, пялилась на нее, наслаждаясь болью, которую ей причиняла.

Но ненависть к Сидни не шла ни в какое сравнение с чувством омерзения, которое она испытывала к Нилу Барнсу, решившему переспать с другой, перед тем как провести с ней, Хейли, их первую ночь.

Она стойко держалась три месяца, а он три месяца твердил, что может подождать и что у них все случится не раньше, чем она будет готова. И она, как набитая дура, еще больше полюбила его за то, что он, такой чуткий и терпеливый, совсем не походил на других парней, пристававших к ней каждый божий день так, словно ее тело было для них лишь желанным трофеем, который они собирались выставить напоказ у себя на полке.

Сколько их было у Нила до Сидни? Неужели он изменил с самого начала?

Неужели она и в самом деле хотела это знать?

Хейли, только-только отметившая семнадцатилетие, отличалась от прочих малолеток-недотрог, свято веривших, что целомудрие следует хранить до брака, до того, как они с гордостью нацепят на палец кольцо. Просто она никак не могла встретить парня — по крайней мере, до Нила, — с которым ей действительно захотелось бы сделать «это». Но она всегда рисовала себе того, кто мог бы стать ее первым мужчиной.

Успокоившись и не сказав никому ни слова, Хейли украдкой побрела к себе домой.

Неужели она была настолько слепа?

Глупая девчонка.

Хейли, вздохнув, направилась в ванную, примыкавшую к спальне, забралась под душ и, припав спиной к стене, подождала, пока нагреется вода. Когда она намочила волосы, затрезвонил мобильный. Она бросила душевую лейку, выскочила из ванной и кинулась к постели, где оставила телефон. Это оказался не Нил, а Линдси. Хейли расстроилась и решила не отвечать, зная наперед, что ей скажет подруга.

Какое-то время Хейли стояла совершенно неподвижно, и стекавшая с нее вода темным пятном разлилась по ковру. Она проклинала себя за то, что по-прежнему надеялась: а вдруг это он. И знала точно, что сразу же ему ответит.

Если бы он позвонил прямо сейчас, она непременно ответила бы.

И в следующее мгновение опять угодила бы в ловушку.

Хейли бросила телефон в сумочку и вернулась под душ с neodolimым желанием хватить кулаком по стенке.

На кухне она плеснула себе в стакан грейпфрутового сока и расположилась лицом к широкому застекленному проему, выходившему в сад, частично погруженный в тень. Отец уехал по работе в Атланту, и, если бы не давно запланированная поездка к тетушке, она с удовольствием воспользовалась бы выпавшей возможностью побыть дома одной, поплеывая в потолок, прикинувшись без вести пропавшей, как уже раз было, когда она, повинувшись импульсу безрассудства, какое-то время не давала о себе знать никому, решив проверить, кто позвонит ей первым и кто действительно забьет тревогу по поводу ее исчезновения. Она продержалась целых два дня, просидев затворницей дома, — смотрела сериалы по телику и штудировала конспекты, пока наконец не ответила на звонок Линдси, которая тут же к ней примчалась. Убедившись, что Хейли в полном порядке, подруга потащила ее на вечеринку к Трейси Блетин, рыжей толстухе, с которой Хейли прежде сталкивалась раза два-три. Там-то она и повстречала Нила, когда тайком прошмыгнула на улицу. Нил учился в выпускном классе и играл в школьной футбольной команде. В тот вечер он забрался на здоровенный дуб и, свесив ногу с ветки, слушал музыку на айфоне. Хейли окликнула его, подумав, что он уснул и вот-вот свалится. Перекинувшись с ней парой слов, Нил пригласил ее составить ему компанию, и, хотя последний раз ей приходилось лазать по деревьям когда-то в детстве, она без малейших колебаний полезла к нему, рискуя испачкать узкое прямое черное платье, купленное для торжественных случаев. Она просидела бок о бок с ним почти всю ночь, мало-помалу потеряв всякое желание спускаться вниз.

С тех пор все было просто замечательно.

Хейли включила стоявший на кухне телевизор и попала на последние известия «Фокс ньюз». В Атлантике, неподалеку от Азорских островов, упал «Боинг-747»